

О ДОСТОЕВСКОМ И РУССКОМ РОМАНЕ XIX ВЕКА

© 2004 К.А. Нагина

Воронежский государственный университет

В первую очередь монография О. Н. Осмоловского “Достоевский и русский роман XIX века”¹ привлекает внимание своей основательностью: всегда испытываешь уважение к книгам, объем которых превышает триста страниц. “Внешняя” основательность соответствует “внутренней” — построение книги демонстрирует широту замысла автора, исследующего не только жанровую природу романа Достоевского, философскую антропологию и этику писателя, что уже само по себе отвечает потребностям современной науки, но и типологические и полемические связи Достоевского с наиболее выдающимися представителями русского психологического романа XIX века — Лермонтовым, Тургеневым и Л. Толстым.

Обращение к изучению романного искусства писателей неизбежно влечет за собой решение вопросов теории. Разделяя устойчивое и справедливое мнение о том, что в России XIX века философская мысль развивалась преимущественно в художественной литературе, О. Н. Осмоловский рассматривает те философские и религиозные идеи, которые были близки писателям и получили развитие на страницах их произведений. Два основных направления философской мысли — теологическое и естественно-научное — нашли свое полемическое отражение в русской литературе. Проблема “природа и культура”, взятая в аспектах соотношения природных и социальных свойств в человеке, раздвоения личности, отражающего диссонанс природы и цивилизации, решалась Пушкиным, Лермонтовым, Тургеневым, Достоевским и Л. Толстым в диалоге с французскими социалистами-утопистами, провозгласившими культ “естественного человека”. Более созвучной раздумьям русских писателей-мыслителей о сути человеческой натуры

стала сенсуалистская и христианская антропология и концепция бытия и морали. Среди философских систем, близких русскому сознанию, О. Н. Осмоловский выделяет философию откровения позднего Шеллинга. В решении проблемы “природа и свобода” существенное значение приобрела полемика с рационалистической философией свободы Декарта, Канта, Гегеля, Фихте, создавших лишь “гипотетическую метафизику свободы без учета связи человека с эмпирическим миром — природным, психологическим и социальным бытием”.

О. Н. Осмоловский делает вывод, что в русской этике преобладало православное представление о свободе. Главной же трагедией, переживаемой литературным героем, стала трагедия свободы, безрелигиозного сознания. В связи с этим главную проблему русской литературы автор монографии усматривает в религиозно-нравственном возрождении, в преодолении зла через обретение духовной свободы, которая мыслится как “влечение к всеобъемлющей любви и добру, жизни по совести” и предполагает веру в Бога и, естественно, в бессмертие души. Следовательно, в основу сюжета психологического романа ложатся исследования пути к свободе, нравственному возрождению людей.

Определяет О. Н. Осмоловский и основной принцип характерологии в русской литературе: это “мера духовной свободы различных типов людей и их участия в общественном труде”, и отмечает пристрастие писателей к определенным социально-психологическим типам, складывающееся в зависимости от понимания ими исторической ситуации и поиска общественных деятелей.

Размышления ученого о жанровой специфике и структуре психологического романа, художественной гносеологии и психологическом анализе представляются особенно плодотворными, учитывая то обстоятельство, что в определении психологического романа и психологичес-

¹ Осмоловский О.Н. Достоевский и русский роман XIX века / О.Н.Осмоловский. — Орел, 2001. — 336 с.

кой манеры разных писателей еще много неясного и спорного. Поднимая проблему художественного синтеза, особенно актуальную для авторов психологического романа, исследователь отмечает несколько уровней синтеза: синтез субъективных личностных миров героев, совершающийся на более высоком уровне авторского понимания и оценки изображаемого; символический и мифопоэтический синтез, рождающий символику, отличающуюся глобальным масштабом обобщений.

Автор монографии выделяет два основных варианта психологического романа — эпический и драматический. Внимание ученого более привлекает второй тип, исследование которого и ведется на страницах его книги, — к нему относятся “Герой нашего времени” Лермонтова, романы Тургенева, Достоевского, “Анна Каренина” Л. Толстого. Суть художественной гносеологии в них “составляла идея бесконечности, личностности и диалектичности познания на основе учета множественности “голосов”, соединенных по принципу контрапункта и выражающих различные, порой противоположные истины”.

Особенно ценным представляется вклад Осмоловского в теорию психологизма. В свете того, что слово “психологизм” в литературоведении еще не стало научным понятием и употребляется в различных значениях, плодотворна попытка исследователя восполнить этот пробел. Он предлагает удачные, на наш взгляд, определения психологизма и литературно-психологического анализа. Справедливо его замечание о том, что русской литературе “в целом был свойственен онтологический психологизм <...> конечное объяснение человека в русской литературе и философии не психологическое, а онтологическое — с учетом божественной первоосновы бытия”.

Предлагает О. Н. Осмоловский дополнить и систематизацию форм психологического анализа и терминологию, предложенную Л. Я. Гинзбург и А. Б. Есиным, которую обычно используют современные исследователи психологического искусства: введение понятий этического, драматического и лирического психологизма представляется логическим и оправданным.

В решении концептуально важных для современного литературоведения теоретических вопросов ученый не ограничивается рамками первой главы. Ведя разговор о жанровой природе романов Достоевского, об идее личности и ее художественном воплощении в романе М. Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”, о концепции личности в романах Тургенева 60—70-х годов и об их жанровом своеобразии и, наконец, об идейно-философских и творческих исканиях Л. Толстого в 70-е годы, о его роман-

ном мышлении, автор книги постоянно пополняет понятийный аппарат науки, существенно дополняет, зачастую и пересматривает сложившиеся представления о жанровом облике русского психологического романа.

В основу своих рассуждений об эпической природе романов Достоевского и о качественно новом уровне жанрового синтеза, которого достиг писатель, он кладет наиболее авторитетную концепцию романов Достоевского 60—70-х годов как романов-трагедий. Однако подобное определение представляется ему недостаточным, и в результате обстоятельного и талантливой анализа рождается новое жанровое определение: в романе Достоевского ученый увидел “символический идеологический трагедийный роман как особый вариант философско-психологической прозы”. Свои теоретические положения Осмоловский проверяет путем исследования конкретного произведения — романа “Преступление и наказание”. Вступая в полемику с М. М. Бахтиным, по его мнению, значительно преувеличившим равноправие и самостоятельность голосов героев в книгах Достоевского, О. Н. Осмоловский доказывает, что “полифонизм — всего лишь способ более убедительного внушения авторской точки зрения”. В противоположность авторитетному ученому, увидевшему в полифонизме уникальное свойство мышления Достоевского, он утверждает, что на самом деле полифонизм “является онтологическим принципом романного мышления <...> тенденция к “многоголосию” явно просматривается в произведениях Гончарова, Тургенева, Л. Толстого”. Отличительную особенность романов Достоевского автор монографии усматривает в диалогичности. В системе поэтики писателя диалоги играют более значительную роль, чем у других его выдающихся современников: особая роль диалогов у Достоевского объясняется “интеллектуальной насыщенностью его романов и их интенсивной драматизацией”, диалог же является “одной из важнейших форм развития драматического действия и психологической характеристики персонажей”. Структурообразующей основой диалогов становится мысль о несостоятельности претензий разума быть руководящей силой поведения и сознания людей, постичь высшую истину. Так проявляется скептическое отношение Достоевского к рационалистической диалектике, его убеждение в постижении высших тайн бытия на пути откровения. Таким образом, специфика мышления Достоевского, по Осмоловскому, “заключается не только в обостренности диалогизма, но и в возвышении над ним, в редкой способности интуитивного прозрения истины”. Феноменальным свойством гения Достоев-

ского исследователь называет уникальное могущество символического мышления. Символическое сознание Достоевского сближается с христианской культурой: мифопоэтическая символика, выявляющая извечную борьбу добра и зла, позволяет выявить “меру отклонения цивилизации от первооснов бытия”.

Изучив существующие в науке точки зрения на художественно-психологический метод Достоевского, ученый приходит к выводу, что психологическое искусство писателя относится к числу малоизученных проблем. Обоснованные возражения у него вызывают сближения психологического метода Достоевского и “диалектики души” Л. Толстого. Убедительно ученый доказывает, что автор “Преступления и наказания” разработал оригинальный психологический метод, отличный от толстовской “диалектики души”, который можно назвать “диалектикой психологических антиномий”.

Говоря об основаниях психологической манеры Достоевского, О. Н. Осмоловский прежде всего обращается к Лермонтову, ставшему родоначальником самого перспективного психологического направления в русской литературе. Роман “Герой нашего времени” определен ученым как “философско-психологический трагедийный роман”, при создании которого Лермонтов “освоил аналитический психологизм и сделал его универсальным способом исследования души, поведения и общественных отношений героев”.

Обращаясь к анализу жанровых и сюжетно-композиционных особенностей романа “Герой нашего времени”, исследуя идею “сверхчеловека” у Лермонтова и Достоевского на примере фигур Печорина и Ставрогина, изучая лермонтовский психологический анализ, О. Н. Осмоловский приходит к ряду интересных заключений. Акцентируем внимание на некоторых из них. Опыт изучения Лермонтовым разорванного сознания и существования был, как никем другим, востребован Достоевским, тоже постигавшим человека через переживаемую им трагедию; полифонический способ поиска истины, воплощенный у Лермонтова, получил свое высшее развитие именно у Достоевского.

Отвергая утвердившееся в литературоведении мнение об отсутствии каких-либо сближений Достоевского с Тургеневым, О. Н. Осмоловский находит в жанровой природе и структуре романов этих писателей существенное сходство. Первенство в разработке и создании жанра идеологического романа он признает не за Достоевским, как это принято традиционно, а за Тургеневым, и успешно отстаивает свою позицию. Типологическое сходство романов Тургенева и Достоевского обнаруживается в преобладании

драматического способа построения образа и развития действия, в общности типобразующего начала героев, в многоплановой структуре сюжета и интеграции в нем философского, социально-бытового и психологического аспектов трагедии героев, в эпической основе сюжета. Неизбежно попадает в поле зрения ученого и специфика тургеневского идеологического романа, выявленная им при анализе “Отцов и детей” в аспектах исследования типа героя, конфликта, способа развития действия и идейно-художественной функции диалога, а также романа “Дым”, хотя главный акцент все же сделан на моментах сближения писателей.

Интересна позиция О. Н. Осмоловского, увидевшего в “Дыме” “новый тип философско-символического романа”, целостность которого “обеспечивается нетрадиционным для Тургенева путем: через соотнесенность его образов, сюжетных ситуаций и структур с философско-символической темой дыма, выражающей трагическое отношение автора к сложившемуся миропорядку”. Стоит отметить, что до появления монографии “Достоевский и русский роман XIX века” об эстетике и поэтике “Дыма” не было обстоятельных работ, так что автор книги восполняет существенный пробел в литературоведении, выдвигая оригинальную концепцию романа и выявляя ведущие принципы символаобразования в нем. Психологическая манера Тургенева, проявившаяся в “Дыме” и “Нови”, тяготеет к “драматическому психологизму”, что опять же сближает трех художников — Лермонтова, Тургенева и Достоевского.

Сближение художественно-психологических методов Л. Толстого и Достоевского, как считает Осмоловский, произошло после существенного обновления творческой системы Толстого, что отразилось в романе “Анна Каренина”. “Диалектика души” предполагала воспроизведение сознания посредством самоанализа героев, поэтому в основу ее был положен объяснительный принцип, эффективный при анализе рационально постижимых актов. В “Анне Карениной” же Толстой “исследует мир не через процесс становления личности, а через ее внутреннюю драму, трагическое противоречие сознательной и бессознательной жизни”. Смысл “перестройки художественной системы Толстого” ученый увидел в усилении связи психологических характеристик с действием и снижении их аналитичности, в большей сосредоточенности и концентрированности психологического анализа, в его избирательности и драматизированности, в структурных изменениях прямого внутреннего монолога героев, в ограничении авторской компетенции в сфере психологического объяс-

нения бессознательных и полусознательных состояний героев.

Главу о Толстом отличает ряд очень интересных наблюдений и выводов относительно психологической манеры Толстого в “Анне Карениной”, из “диалектики души” трансформирующейся в “диалектику психологических антиномий”, относительно символики второго толстовского романа и гносеологии Толстого.

Скорее всего, некоторые положения, выдвинутые О. Н. Осмоловским, вызовут полемику и возможные возражения, но это тоже относится к отличительным чертам хорошей книги.

Монография О. Н. Осмоловского — явление яркое и талантливое, чувствуется, что для создания книги потребовались годы творческой жизни ученого. Ее автор не просто расширяет и дополняет бытующие в литературоведении концепции — он пересматривает их, смело подвергая сомнению то, что ранее казалось бесспорным. Книга “Достоевский и русский роман XIX века” содержит ряд важных открытий, которые станут достоянием современного литературоведения. Думается, что новый понятийный аппарат, разработанный исследователем, вскоре войдет в научный обиход.